

ОТОБРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ПУБЛИЦИСТА ПРИ НЕПРЯМОМ ВЫРАЖЕНИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ИНТЕНЦИЙ В ДИСКУРСЕ СМИ

Живые процессы, происходящие в русском литературном языке в наши дни, характеризуются многими исследователями как либерализация языковой системы, поскольку в сфере литературного использования языковых средств, и прежде всего в массовой коммуникации, оказались пласты, чуждые литературному канону публицистического дискурса целых десятилетий [Костомаров 1994: 5]. В этой связи И.П. Лысакова пишет: «Разрушение стандарта прошлого в газетно-публицистическом стиле стало ярким подтверждением революционных изменений в России, а в конце 80-х годов стилистическая экспрессия послужила сигналом формирования нового мышления» [Лысакова 1998: 238]. К числу новых, а точнее, актуализированных в языке массовой коммуникации приемов экспрессии относится применение в сложноподчиненном предложении лексико-семантических конкретизаторов (ЛСК), которые, как отмечают исследователи, ранее были свойственны преимущественно разговорной речи.

В настоящее время новое коммуникативное пространство, в котором реализуются все виды дискурсов, порождается равноценными участниками, которые не зависят друг от друга: «Система иерархической коммуникации, где главным компонентом был приказ, стала меняться на систему демократической коммуникации, где основой становится убеждение» [Почепцов 1998: 7]. Соответственно, и язык современной прессы, отражающий политическую и речевую культуру общества, освободившегося от тоталитарности в дискурсе массовой коммуникации, представляет плюрализм мнений, дифференциацию социальных воззрений не только определенных общественных групп и слоев, но и отдельных личностей. В этой связи изменяются и научные приоритеты в анализе как языка, так и речи, актуализируются теории, учитывающие «выход на личность». Так, получили современное звучание многие идеи герменевтики и слова Г. Шпета о том, что за каждым словом автора мы начинаем теперь слышать его голос, догадываться о его мыслях, подозревать его поведение. Существенны как для лингвистики, так и для теории коммуникации и взгляды М.М. Бахтина, в частности писавшего: «Слово ориентировано на собеседника, ориентировано на то, кто этот собеседник... Абстрактного собеседника, так сказать, человека в

себе, не может быть; с ним действительно у нас не было бы общего языка ни в буквальном, ни в переносном смысле» [Цит. по: Почепцов 1998: 26].

Приобрели в настоящее время новую эвристическую ценность и психолингвистические концепции, опирающиеся на понятие интенциональности как существеннейшего свойства речи. Термином *интенция* обозначается субъективная направленность на определенный объект, то есть активность сознания субъекта. На лингвистическом материале активизировал понятие интенции Дж. Сёрль, который, учитывая основную характеристику интенций – их направленность на объекты мира, – подчеркнул значение интенций как инструмента соотношения субъекта с внешним миром. С точки зрения авторов коллективной монографии «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса», интенции могут быть двух уровней: «Интенции первого уровня первичны по происхождению в онтогенезе и непосредственно связаны с особенностями функционирования нервной системы человека. Интенции второго уровня скорее социальные по происхождению и включены в организацию общения между людьми» [Слово в действии 2000: 12].

Таким образом, в субъективном плане активность, направленная на оречевление некоторого содержания, находящегося в сознании субъекта, представляет собою намерение высказаться, то есть интенцию. Некоторые исследователи в подобных интенциях предлагают разграничивать *информационную интенцию* и *коммуникативную интенцию*: «В первом случае речь идет о желании сообщить нечто, во втором – коммуникатор демонстрирует свое желание в явном виде. Обычно обе интенции (особенно в случае вербальной коммуникации) сливаются воедино. Целью коммуникатора является воздействие на представления получателя. Коммуникатор создает конкретное сообщение для конкретного получателя, рассчитанное на данный конкретный момент, на данное конкретное место, на данный конкретный контекст. Центральным в этой цепочке становится понятие релевантности для конкретного индивидуума» [Почепцов 1998: 118]. Следовательно, интенции второго уровня как коммуникативные связаны с обращением к внешнему миру, и прежде всего к миру людей. Особенность коммуникативных интенций состоит в том, что формы их выражения весьма разнообразны и не всегда стандартны, они могут быть как прямыми, открытыми, так и косвенными, неявными.

Многие слова, определенные грамматические конструкции, правила построения текста предназначены для того, чтобы передать окружающим коммуникативные интенции говорящего: одобрение, порицание, угрозу, приказ, просьбу в отношении тех или иных объектов. Именно в этом аспекте представ-

ляют интерес положения теории речевых актов, в которой, по существу, проанализированы речевые действия (акты) как способы прямого проявления и выражения коммуникативных интенций. Дж. Остин, отметив, что существуют высказывания, которые ничего не описывают и не утверждают, и, выделив особое явление в речезыковой реальности – речевые акты, фактически выступил против точки зрения, что единственное назначение высказывания – описывать некоторое положение дел или утверждать некий факт. Выделив акты локуции как «говорения» в полном обычном смысле данного слова и перлокуции как осуществления акта воздействия на аудиторию, Дж. Остин не дал исчерпывающего определения иллокутивному акту, но в то же время трактовал его как то, что говорящий *хотел* сказать, как его намерение, выраженное в словесной форме (*Он доказывал, что...*) [см.: Остин 1986].

Сам Дж. Остин лишь изредка для описания иллокутивного акта использовал понятие намерения, однако в работах других авторов понятие намерения становится центральным. Так, П.Ф. Стросон распознавание намерений говорящего определяет как необходимое условие адекватного реагирования на его слова: «Говорящий, таким образом, не только несет ответственность за содержание своего намерения, которую несет любой производящий действие человек, у него имеется причина, неотделимая от природы выполняемого акта, сделать это намерение явным» [Стросон 1986: 141]. Представляется существенным заключительное суждение П.Ф. Стросона, согласно которому намерение, будучи общим элементом всех иллокутивных актов, может иметь множество вариантов: «...мы можем охотно допустить, что типы намерения, направленного на слушающего, могут быть очень разнообразными и что различные типы могут быть представлены одним и тем же высказыванием» [Стросон 1986: 150].

Намерения, или интенции, более подробно рассмотрены в работах Дж. Сёрля, который выделил понятие интенционального состояния: «Для начала мы могли бы констатировать, что интенциональность есть свойство многих ментальных состояний и событий, посредством которых они направлены на объекты и положение дел внешнего мира» [Сёрль 1987: 96]. Далее Дж. Сёрль отметил, что «понятие интенциональности в равной мере применимо как к ментальным состояниям, так и к лингвистическим сущностям, таким, как речевые акты и предложения» [Сёрль 1987: 101]. С опорой на данное положение Дж. Сёрль переносит на интенциональные состояния известные из предыдущих исследований характеристики речевых актов, выделив аспекты, специфичные как для речевых актов, так и интенциональных состояний. Так, если в теории речевых актов различаются пропозициональное содержание и иллокутивная сила, то в

интенциональных состояниях – репрезентативное содержание и его психологический модус, то есть каждое интенциональное состояние представляет некоторые объекты и положения дел в связи с верой, страхом, надеждой и т.п. Связь же между речевым актом и интенциональным состоянием заключается в том, что через речевой акт осуществляется выражение соответствующего интенционального содержания, при этом «условия выполнимости речевого акта и выражаемого им психического состояния тождественны» [Сёрль 1987: 106].

Таким образом, идеи теории речевых актов предполагают новую парадигму понимания сущности речезыковых процессов и направлены на объяснение принципов функционирования языка. Однако в рамках данной теории представлены и анализируются *прямые способы* выражения коммуникативных интенций: чаще всего это приказы, просьбы, уведомления и т.п., использующие соответствующие глагольные формы. В то же время значительная часть произносимого речевого материала использует совсем другие способы выражения интенций говорящего, но и нестандартные и не прямые способы выражения интенций понятны получателю, поскольку говорящий сам стремится к тому, чтобы его интенции были поняты, иначе цели его коммуникации не достигаются. Именно поэтому говорящий использует такие известные ему языковые средства и приемы, которые, по его предположению, могут дать желаемый результат. Неслучайно В.В. Дементьев утверждает, что «существует необозримое множество смыслов, передаваемых имплицитным образом речевыми единицами самых разных уровней. Следует подчеркнуть, что к явлениям, которые, на наш взгляд, представляют собой различные разновидности, частные способы выражения НК (непрямой коммуникации – С.М.), относятся не только косвенные высказывания, но и разнообразные косвенные компоненты содержания / имплицитности языковых единиц» [Дементьев 2006: 12].

Несомненно, что к таким способам и средствам относится и функционирование при подчинительной связи модальных частиц и вводно-модальных слов, осуществляющих в высказывании тот или иной комментарий. Обозначая свои интенции в тексте, делая их доступными для получателя, авторы в то же время могут придавать им языковые формы, осложняющие их трактовку, облекая их в риторические «одежды» или, наоборот, минимизируя. Дискурсивные слова представляют типичный случай минимизации при выражении интенций говорящего в высказывании. И если методика выявления интенций говорящего в тексте, предложенная в коллективной монографии «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса», в первую очередь опирается на учет семантики однозначных слов при опущении второстепенных уточняющих вы-

ражений и характеристик, то, на наш взгляд, существенны именно минимальные единицы выражения интенций, осуществляющие комментарий в сложно-подчиненном предложении – лексико-семантические конкретизаторы (ЛСК), представленные дискурсивными словами (ДС) разных классов.

При этом сохраняют свою теоретическую значимость разработанные в рамках интен-анализа положение о наличии ментальной модели обсуждаемой ситуации у говорящего, в которой содержатся информация о текущей действительности, событиях, их участниках, а также долговременные знания о мире, образующие общий контекст; и положение о дескрипторах как лексических единицах или их сочетаниях, обозначающих признак, характеризующий объект. Иначе говоря, в активной зоне сферы действия ЛСК может быть тот или иной дескриптор, который выделяется, подчеркивается лексико-семантическим конкретизатором и в отношении которого осуществляется определенный комментарий. Также сохраняет свою значимость и положение о том, что интенции обычно выражаются в косвенной форме и некоторые типы интенций не являются строго независимыми и содержательно смешиваются между собой.

В представлении роли ЛСК в сложноподчиненном предложении при выражении интенций говорящего мы опираемся на рабочий словарь названий интенций, представленный в указанной монографии, поскольку, как справедливо отмечают ее авторы, использование «готовой терминологии к анализируемому материалу, оказывается более простой работой, чем поиск экспертом характеристики интенции на основе своего чувства языка» [7: 94]. Собственно, данный словарь составляют 27 коммуникативных интенций: анализ; анализ (+); анализ (-); безличное обвинение; безличное разоблачение; дискредитация; информация; кооперация; критика; неявная самопрезентация; обвинение; отвод критики (смягчение позиции); отвод обвинений; отказ в просьбе; оценивание (+); побуждение; предупреждение; презентация; противостояние; размежевание; разоблачение; самокритика; самооправдание; самоохранение (осторожность); самопрезентация; угроза; успокоение аудитории. Следует также отметить, что при выявлении интенции, выраженной в высказывании ЛСК при подчинительной связи, необходимо учитывать особенности семантики модальной частицы или вводно-модального слова, функционирующего в данном качестве, особенности сферы действия и ее границы (левый контекст, активная зона, представленная дескриптором, и правый контекст).

Таким образом, можно утверждать, что ЛСК при подчинительной связи, выраженные вводно-модальными словами и модальными частицами всех классов ДС, представляют способ минимизированного, неявного отражения комму-

никативных интенций говорящего (автора) в публицистическом тексте. Семантико-синтаксические особенности организации сложноподчиненного предложения и свойства модальных частиц и вводно-модальных слов, использующихся в них в качестве ЛСК, определяют следующий круг коммуникативных интенций, отражение которых возможно в этих условиях: информация, анализ (+), анализ (-), критика, дискредитация, предупреждение, противостояние, размежевание, отвод критики (смягчение позиции), самоохранение (осторожность), кооперация, побуждение.

ЛСК, представленные вводно-модальными словами и модальными частицами I и II дискурсивных классов, в зависимости от типа сложноподчиненного предложения, особенностей сферы действия и поляризации контекста отражают коммуникативные интенции информация, анализ (+), анализ (-), критика, предупреждение. Соответственно, ЛСК, представленные ДС III класса, отражают в сложноподчиненном предложении коммуникативные интенции информация, анализ (-), предупреждение, противостояние, дискредитация, осторожность. Возможность отражения одних и тех же интенций ЛСК, выраженными ДС III и ДС I и II классов, зависит и от особенностей сферы действия применяемых в данном качестве модальных частиц, а также коммуникативного статуса комментария, осуществляемого ими. ЛСК, выраженные модальными частицами и вводно-модальными словами IV дискурсивного класса, при функционировании в сложноподчиненном предложении отражают коммуникативные интенции говорящего побуждение, смягчение позиции, кооперация, размежевание. Модальные частицы *мол*, *дескать*, *якобы* отражают по две интенции.

Коммуникативные интенции, которые способны отражать в качестве ЛСК в сложноподчиненном предложении модальные частицы и вводно-модальные слова, предопределяют определенные параметры отношений авторской (личностной) модальности, которые ЛСК могут реализовывать в высказываниях, организованных на основе сложноподчиненного предложения. ЛСК, представленные ДС IV класса, реализуют личностные модальные отношения (традиционно – отношения субъективной модальности) непосредственно в параметрах эпистемической ответственности говорящего по линиям достоверности-недостоверности сообщаемого и переложения эпистемической ответственности на другого гаранта. Можно констатировать, что ЛСК, представленные модальными частицами и вводно-модальными словами всех дискурсивных классов, осуществляют комментарий преимущественно в данном спектре значений и оттенков модальности, поскольку структурно-семантические особенности организации сложноподчиненного предложения накладывают существенные огра-

ничения на использовании в роли ЛСК дискурсивных слов определенной семантики, отражающей иные модальные отношения.

ЛСК, представленные вводно-модальными словами и модальными частицами I, II и III классов, выражают модальные отношения опосредованно и более нерасчлененно, что также может определяться синтаксическим выражением активной зоны сферы действия данных дискурсивных слов, а также статусом комментария, который они осуществляют. Наряду со значениями положительной или отрицательной оценки содержания высказывания данные ЛСК могут выражать модальное отношение неопределенной оценки говорящим содержания, и чем менее значима синтаксическая составляющая активной зоны сферы действия ЛСК, тем более опосредованный характер имеет выражение модального отношения, тем более диффузной становится роль ЛСК в организации модального и диктального планов содержания в сложноподчиненном предложении: они одновременно, но в разной степени, в зависимости от достаточно четко прослеживаемых закономерностей в условиях употребления, могут участвовать в выражении как модальных отношений, так и семантико-синтаксических соотношений между частями сложноподчиненного предложения, и помимо этого актуализировать в высказываниях имплицитную информацию.

Библиографический список

1. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
3. Лысакова И.П. Социолингвистический анализ журналистского текста // Социология журналистики: Очерки методологии и практики. М.: ТОО «Гендальф», 1998. С. 226 – 241.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 22 – 131.
5. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Центр, 1998.
6. Сёрль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / Под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М., 1987. С. 96 – 126.
7. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой. СПб.: Алетейя, 2000.
8. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 130 – 150.